

Безмолвный дом

Про книгу

Молодой адвокат Люциан Дензил поселяется на окраине Лондона. Окна квартиры, которую снимает Люциан, выходят на дом под номером 13 — Безмолвный Дом, как его называют все в округе. У него дурная слава: говорят, там живут привидения, по ночам в окнах мелькают огоньки свечей и доносятся жуткие голоса. Но вдруг в проклятом доме появляется новый жилец — мистер Бервин. Вскоре его найдут убитым в собственной спальне. Люциану Дензилу предстоит серьезное расследование, которое откроет много страшных тайн...

ФЕРГЮС
ХЬЮМ

БЕЗМОЛВНЫЙ
ДОМ

Фергюс Хьюм

Безмолвный дом

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2017

© Shutterstock. com / CreativeHQ, Sibrikov Valery, Stocksnapper, LiliGraphie, обложка, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

ISBN 978-617-12-4407-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Молодой адвокат Люциан Дензил поселяется на окраине Лондона. Окна квартиры, которую снимает Люциан, выходят на дом № 13 — Безмолвный Дом, как его называют все в округе. У него дурная слава: говорят, там живут привидения, оттуда доносятся жуткие голоса, по ночам в окнах мелькают огоньки свечей. Но вдруг в проклятом доме появляется новый жилец — мистер Бервин. Вскоре его найдут убитым в собственной спальне. Люциану Дензилу предстоит серьезное расследование, которое откроет много страшных тайн...

Хьюм Ф.

X98 Безмолвный дом : роман / Фергюс Хьюм ; пер. с англ. А. Михайлова ; сост. Е. Рыбакова ; предисл. А. Климова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с. — (Серия «Великие сыщики и великие мошенники», ISBN 978-617-12-2533-6 (Украина))

ISBN 978-617-12-4185-5

Молодий адвокат Люціан Дензіл оселяється на околиці Лондона. Вікна квартири, яку винаймає Люціан, виходять на будинок № 13 — Безмовний Будинок, як його називають усі в окрузі. У нього погана слава: кажуть, там живуть привиди, звідти долинають страшні голоси, ночами у вікнах миготять вогники свічок. Але раптом у проклятому будинку з'являється новий мешканець — містер Бервін. Незабаром його знайдуть убитим у власній спальні. На Люціана Дензіла чекає серйозне розслідування, що відкриє багато страшних таємниць...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7США)

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Предисловие *Андрея Климова*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

Скромный джентльмен из Мельбурна

Викторианская и Эдвардианская эпохи (1837—1910) были временем наивысшего взлета Британской империи. На этот период пришелся и расцвет английской литературы — в то время на ее небосклоне засверкала блистательная плеяда писателей первой величины — от Чарльза Диккенса до Редьярда Киплинга, Джозефа Конрада, Роберта Стивенсона, Джона Голсуорси, Герберта Уэллса и Гилберта К. Честертона. В то же время «простая публика» повально увлекалась книгами иного сорта — той литературой, которую уничижительно называли «бульварной». Сегодня, однако, мы по-иному смотрим на эти романы — имена их авторов часто полузабыты. Их сюжеты остроумны и лихо закручены, в них немало литературных находок, они искрятся юмором, а главное — с почти стереоскопической точностью представляют панораму жизни Англии в ту эпоху. Тайна и преступление — основные мотивы этих книг, а значит, читатель уже с первых страниц будет заинтригован и вовлечен в события.

Фергюс Хьюм (1859—1932) — один из самых заметных авторов детективного жанра, работавших на рубеже XIX—XX столетий. Подлинное имя этого плодовитого романиста — Фергюссон Райт Хьюм. Он родился в Англии, но когда ему было всего три года, семья эмигрировала в Новую Зеландию и поселилась в городе Данидин, который в то время был самым крупным на Южном острове. Фергюссон окончил Высшую школу для мальчиков в Отаго и там же поступил в университет, где изучал право. Получив диплом юриста, он перебрался в Австралию, в Мельбурн, где и начал профессиональную карьеру в качестве помощника адвоката. Именно в это время молодой человек увлекся театром и начал писать пьесы, но так и не смог убедить руководителей австралийских театров не только принять его творения к постановке, но и хотя бы прочитать их.

Творческий путь Хьюма в качестве романиста начался в 80-х годах XIX века, когда австралийцев охватило повальное увлечение романами Эмиля Габорио. Познакомившись с ними, молодой юрист решил

написать книгу в таком же духе. В итоге на свет появилась «Тайна хэнсомского кеба» (1886) — самый знаменитый впоследствии детектив Хьюма, основанный на его знакомстве с жизнью мельбурнского «дна». Тираж поначалу пришлось отпечатать за счет автора, но книгу начинающего романиста ожидал фантастический успех — она стала самым продаваемым криминальным романом Викторианской эпохи, а ее тираж вскоре достиг 750 тысяч экземпляров. Много лет спустя, в 1990 году, исследователь британской литературы Джон Сазерленд назвал «Тайну хэнсомского кеба» «самым сенсационным и самым популярным романом о преступлении, созданным в XIX столетии». Больше того — эта книга вдохновила Артура Конан Дойла написать «Этюд в багровых тонах» (1887) — первую новеллу, в которой появляется сыщик-консультант по имени Шерлок Холмс.

Воодушевленный успехом дебютного романа и публикацией второго — «Секрет профессора Бранкеля» (1886), Хьюм вернулся в Англию. Он провел несколько лет в Лондоне, а затем переехал в графство Эссекс, в деревню Сандерсли, где и провел без малого три десятилетия, без устали работая над новыми книгами.

За время своей литературной карьеры — а она длилась почти 47 лет, Фергюс Хьюм установил выдающийся рекорд — им написаны 140 детективных произведений, в основном романов. Среди них и тот, с которым мы сегодня хотим познакомить читателей, — «Безмолвный дом» (1899). Подобным достижением не смог бы похвастать ни один из авторов, работавших в этом жанре.

Личная жизнь Фергюса Хьюма так и осталась тайной — в этом отношении он избегал всякой огласки. Единственное, что нам известно, — на закате дней писатель стал глубоко религиозен, а в последние годы читал лекции в различных молодежных клубах и дискуссионных обществах. Литературной работой Хьюм занимался до конца дней — свой последний роман он закончил буквально за несколько дней до смерти.

Произведения Фергюса Хьюма переведены на одиннадцать языков, а их тиражи просто не поддаются счету. По его роману было поставлено множество спектаклей, а спустя много лет, уже в XX веке, сняты два полнометражных фильма и даже один мультсериал.

Безмолвный дом

Глава I Жилец Безмолвного Дома

Люциан Дензил, не слишком успешный адвокат, предпочел настолько пренебречь традициями братства судейских мантий, что поселился вдали от Темпла[1]. Руководствуясь причинами, не имеющими отношения к экономии, он снял меблированные комнаты на Женева-сквер в Пимлико^[2]; профессиональная же деятельность требовала от него каждодневного присутствия с десяти до четырех в гостинице «Сарджентс-Инн», где он делил контору с коллегой, столь же нуждающимся и не имеющим постоянной практики.

Подобное положение дел едва ли можно назвать завидным, но Люциана в силу молодости и определенной независимости благодаря целым тремстам фунтам в год оно вполне устраивало. Поскольку от роду ему было всего двадцать пять лет, он полагал, что впереди еще масса времени, дабы преуспеть в своем ремесле; в ожидании же блестящего будущего он развивал собственный поэтический гений, подкармливая его жидкой овсяной кашей, как это принято у людей подобного склада. Словом, в жизни бывают обстоятельства и куда менее благоприятные.

Женева-сквер представляла собой островок спокойствия среди шумной городской жизни, которая бурлила вокруг, не тревожа сонное царство внутри. Одна-единственная длинная узкая улочка вела от оживленной магистрали на четырехугольную площадь, окруженную высокими серыми зданиями, занятыми владельцами меблированных комнат, городскими клерками да двумя или тремя художниками, олицетворявшими собой местную богему. В самом центре раскинулся оазис в виде зеленой лужайки, расчерченной посыпанными желтым гравием дорожками и окруженной ржавой оградой в человеческий рост и вязами почтенного возраста.

Дома вокруг радовали глаз роскошными фасадами, безупречно чистыми ступеньками, окнами с белыми занавесками и аккуратными цветами в горшках. Оконные стекла сверкали чистотой, желтые дверные ручки и таблички благородно поблескивали, и на всей площади не сыскать было ни палки, ни соломинки, ни смятой бумажки, кои своим присутствием осквернили бы окружающее благолепие.

За единственным исключением, Женева-сквер являла собой образчик того, чего только можно было пожелать в смысле чистоты и порядка. Пожалуй, столь тихую гавань можно отыскать лишь в сонных провинциальных городках, но никак не в таком грязном, дымном и беспокойном мегаполисе, как Лондон.

Из общей картины безупречной чистоты выбивался лишь номер тринадцатый, дом напротив входа на площадь. Окна его были покрыты пылью, на них не было ни жалюзи, ни занавесок, на карнизах не стояли горшки с цветами, ступеньки были давно не белены, а железные перила с облупившейся краской покрыты ржавчиной. Мусор сам по себе собирался подле него, а растрескавшийся тротуар вокруг позеленел от плесени. Попрошайки, изредка случайно забредавшие на площадь и одним своим видом наводившие ужас на местных жителей, останавливались на его ступенях; входная дверь, ободранная и грязная, одним своим видом вызывала праведное возмущение.

Тем не менее, несмотря на обветшалый вид и дурную славу, те, кто обитал на Женева-сквер, не согласились бы ни за какие деньги подновить дом и заселить жильцами. Они говорили о доме исключительно шепотом, с дрожью в голосе, бросая на него испуганные взгляды, — по всеобщему мнению, в доме номер тринадцать жили привидения, поэтому он пустовал вот уже два десятка лет. Подобные слухи, отсутствие жильцов и мрачный внешний вид стали причиной того, что он стал местной достопримечательностью под названием Безмолвный Дом. В одной из его пустых пыльных комнат много лет тому было совершено убийство, и с тех пор жертва, как говорили, неприкаянно бродила по особняку. Кое-кто уверял, что видел, как в окнах его вспыхивали огоньки, раздавались приглушенные стоны, а иногда даже появлялся призрак пожилой дамы в атласном платье и туфлях на высоких каблуках. Словом, Безмолвный Дом был окутан легендами.

Сколько в них было правды, сказать нельзя, зато известно наверняка: невзирая на низкую арендную плату, никто не решался снять дом номер тринадцать. Он превратился в местную достопримечательность. И вдруг летом девяносто пятого года в нем появился жилец. Мистер Марк Бервин, джентльмен средних лет, возникший словно из ниоткуда, снял дом номер тринадцать и начал вести странный и одинокий образ жизни.

Среди местных жителей пошли было разговоры, что новый постоялец, столкнувшись с призраком, не продержится в доме и недели, но когда неделя превратилась в шесть месяцев, а мистер Бервин по-прежнему не проявлял желания съехать, они забыли о призраке и принялись обсуждать его самого. В результате через некоторое время о вновь прибывшем и его странных привычках пошли сплетни.

Люциану их регулярно передавала его хозяйка: о том, что мистер Бервин живет в Безмолвном Доме в полном одиночестве, без слуги или компаньона; о том, что он ни с кем не разговаривает и никого к себе не выпускает; о том, что у него, судя по всему, денег куры не клюют, потому как он частенько возвращается домой навеселе; и о том, как миссис Кебби, глуховатая служанка, убиравшаяся в комнатах мистера Бервина, наотрез отказалась ночевать в доме, поскольку полагала, что с ее нанимателем что-то не так.

Дензил пропускал сплетни мимо ушей, пока судьба не свела его вдруг с этим странным господином. Встреча получилась крайне необычная.

Как-то туманным ноябрьским вечером Люциан, возвращаясь домой из театра в начале двенадцатого, отпустил фиакр у въезда на площадь и шагнул в туман. Он был настолько густой, что даже в свете газового фонаря ничего не было видно, и Люциан медленно, на ощупь, побрел вперед, дрожа от холода, несмотря на надетое поверх вечернего костюма меховое пальто.

Он с величайшей осторожностью пробирался вперед, мечтая об огне в камине и ужине, ожидающем его дома, но вдруг остановился как вкопанный, услышав глубокий сочный бас, раздавшийся едва ли не из-под самых его ног. В довершение ко всему, Люциан был поражен, услышав хорошо знакомые слова Шекспира.

— О! — хрипло пророкотал невидимый бас. — О боже, и как это люди берут себе в рот врага, чтобы он похищал у них разум!^[3] — Вслед за этим из темноты послышалось рыдание.

— Господи помилуй! — вскричал Люциан, нервы которого были на пределе, и попятился. — Кто здесь? Кто вы такой?

— Заблудшая душа, — был ответ, — которую Господь не намерен спасти или миловать! — За сим вновь раздались рыдания.

От плача невидимого в темноте создания у Дензила кровь застыла в жилах. Пройдя немного, он наткнулся на мужчину, который привалился спиной к ограждению, скрестив на груди руки и уронив голову на грудь. Он не пошевелился, когда Люциан тронул его за плечо, а, по-прежнему понурив голову, продолжал стонать и всхлипывать в приступе жалости к самому себе.

— Эй! — сказал молодой адвокат, тряся незнакомца за плечо. — Что с вами приключилось?

— Пьянство! — запинаясь, пробормотал мужчина, внезапно поворачиваясь к нему и бия себя в грудь. — Я — наглядный пример для трезвенников; предупреждение алкоголикам; современный илот, вызывающий у молодежи отвращение своими пороками, коего следует стыдиться.

— Вам лучше отправиться домой, сэр, — предложил Люциан.

— Я не могу найти свой дом. Он где-то рядом, но где именно, я не знаю.

— Вы находитесь на Женева-сквер, — сказал Дензил, пытаясь донести это до сознания одурманенного человека.

— Хотел бы я оказаться там в доме номер тринадцать, — вздохнул незнакомец. — Куда, к дьяволу, он провалился? В этом тумане ни зги не видно.

— Вот оно что! — воскликнул Люциан и взял мужчину под руку. — Идемте со мной. Я отведу вас домой, мистер Бервин.

Не успело это имя слететь с его губ, как незнакомец отпрянул и выругался. Очевидно, смутные подозрения вселили в него ужас перед нежеланным знакомством, пусть даже сердце его холодил страх.

— Кто вы такой? — уже куда более уверенно спросил он. — Откуда вам известно мое имя?

— Меня зовут Дензил, мистер Бервин, и я живу в одном из домов на этой площади. Поскольку вы сами упомянули номер тринадцатый,

то не можете быть никем иным, как мистером Марком Бервином, жильцом Безмолвного Дома.

— Обитателем дома с привидениями, — растянул губы в глумливой усмешке Бервин, явно испытывая облегчение, — соседствующим с призраками и даже кое-чем похуже.

— Хуже призраков?

— С собственными грехами, молодой человек. Я глупец и наделал много глупостей. И вот результат... — он осекся на полуслове и зашелся кашлем, сотрясшим его изможденное тело. Когда же он наконец справился с приступом, то обессилел настолько, что вынужден был вновь привалиться к ограде. — Что посеешь, то и пожнешь, — пробормотал он.

Люциану стало жаль этого человека, который, судя по всему, не мог позаботиться о себе, и счел жестоким оставить его одного в столь бедственном положении. Правда, ему вовсе не улыбалось бродить в потемках в холодном густом тумане в столь поздний час, и потому, видя, что его спутник не расположен двигаться с места, он вновь бесцеремонно схватил его под руку. Это внезапное движение, судя по всему, пробудило отступившие было страхи Бервина.

— Куда вы меня тащите? — спросил он, сопротивляясь мягкому нажиму руки Люциана.

— К вашему дому. Вы простудитесь, если останетесь здесь.

— Значит, вы не один из них? — вдруг спросил мужчина.

— Кого вы имеете в виду?

— Не один из тех, кто хочет причинить мне вред?

Дензил уже было решил, что Бервин помешался, и заговорил с ним ласково, как с маленьким ребенком.

— Я хочу помочь вам, мистер Бервин, — мягко ответил он. — Пойдемте к вам домой.

— Домой! Домой! Ах ты, господи, у меня нет дома!

Тем не менее он кое-как собрался с силами и, поддерживаемый под руку, заковылял вперед сквозь густой холодный туман. Люциан хорошо помнил, где находится дом номер тринадцать, поскольку тот располагался прямо напротив его собственного, и, с благоразумной осторожностью обогнув ограду, доставил своего спутника к его дому, едва не волоча на себе. Когда они остановились перед дверью и Бервин

удостоверился, что он на месте, сунув ключ в замочную скважину, Дензил пожелал ему спокойной ночи.

— Советую вам немедленно лечь в постель, — добавил он и повернулся, чтобы сойти вниз по ступенькам.

— Не уходите! Не уходите! — вскричал Бервин, хватая молодого человека за руку. — Я боюсь входить один... Здесь так темно и холодно! Подождите, пока я не зажгу свет.

Поскольку от чрезмерной дозы алкоголя нервы мужчины явно пребывали в полном расстройстве, он стоял на ступеньках, дрожа всем телом, как побитая собака, и Люциан проникся к нему состраданием.

— Я провожу вас внутрь, — сказал он и, чиркнув спичкой, шагнул в темноту вслед за своим спутником.

В холле дома номер тринадцать стоял почти такой же холод, как и снаружи, и трепещущий огонек спички скорее подчеркивал, нежели разгонял окружающую темноту. Впрочем, свет все-таки рассеял тьму, отчего дом показался еще более призрачным и жутковатым, чем раньше. Шаги Дензила и Бервина по голым доскам — пол не был застелен ковром — порождали гулкое эхо, а когда они остановились, их обступила зловещая тьма. Мрачная репутация особняка, непроницаемая темнота и тишина вдруг пробудили в Люциане воспоминания о легенде. Страшно даже представить, какое действие оказывал дом на расшатанные нервы несчастного пьяницы, который жил здесь!

Бервин отворил дверь справа и прибавил света в симпатичной керосиновой лампе, фитиль которой был прикручен в ожидании его возвращения. Лампа стояла на маленьком квадратном столике, накрытом белой скатертью и сервированном ужином. Молодой адвокат отметил, что столовое белье, приборы и хрусталь были высшего качества, яства были изысканными, а шампанское и кларет явно принадлежали к марочным винам. Очевидно, Бервин был состоятельным джентльменом и мог позволить себе некоторые слабости.

Люциан попытался получше рассмотреть хозяина в мягком свете, но Бервин упорно отворачивался и, казалось, желал, чтобы посетитель поскорее ушел, с таким же нетерпением, с каким только что уговаривал его войти. Дензил, отличавшийся сообразительностью, моментально уловил намек.

— Теперь, когда вы зажгли свет, я могу уйти, — сказал он. — Покойной ночи.

— Покойной ночи, — коротко бросил в ответ Бервин и предоставил Люциану в одиночку искать выход.

На том и завершилась первая встреча адвоката со странным обитателем Безмолвного Дома.

Глава II Тени в окне

Хозяйка Дензила была довольно необычной представительницей своего сословия. Склонная к полноте, но очень подвижная, она носила модные наряды самых ярких цветов и не оставляла надежды выйти замуж.

Мисс Джулия Грииб была дамой сорока лет, с помощью искусных ухищрений предпринимавшей отчаянные, но безуспешные попытки сохранить молодость. Она ограничивала себя в еде, дабы сохранить талию, красила волосы, пудрила лицо и наряжалась в девические белые платья с широким синим поясом. Издали она и впрямь выглядела не более чем на двадцать, вблизи благодаря всевозможным женским хитростям могла сойти за тридцатилетнюю, и лишь в уединении собственной комнаты она становилась собой. Ни одна женщина не вела столь решительной битвы со временем, как мисс Грииб.

Впрочем, это была худшая сторона ее натуры, потому как в остальном она была добросердечной и жизнерадостной особой невысокого роста, с порывистыми движениями, способной поддерживать разговор обо всем на свете, и в этом на Женева-сквер ей не было равных. Родилась она в том самом доме, который занимала и сейчас. После смерти отца девушка научилась помогать матери в удовлетворении прихотей бесконечно сменяющихся квартирантов. Они приходили и уходили, женились, умирали, но ни один из достойных молодых людей так и не сподобился отвести мисс Грииб к алтарю, так что, когда умерла ее мать, Джулия уже отчаялась обрести статус супруги. Тем не менее она продолжала сдавать комнаты внаем и не оставляла попыток покорить сердца тех своих жильцов, коих полагала слабыми волей.

До сих пор все ее мысли имели более или менее меркантильный характер, но, когда на горизонте появился Люциан Дензил, бедная женщина по-настоящему влюбилась. Однако, странным образом противореча собственным мыслям, мисс Грииб ни на миг не допускала, что Люциан женится на ней. Он стал для нее богом, идеалом мужественности, и она поклонялась ему и воскуряла фимиам в свойственной ей манере.

Дензил занимал спальню и гостиную, приятные и просторные апартаменты, выходящие окнами на площадь. Мисс Грииб ухаживала за ним, подавала завтрак и весь день пребывала на седьмом небе от счастья, если ее обожаемый жилец снисходил до того, чтобы обменяться с ней несколькими словами, перед тем как приняться за утреннюю газету. После этого мисс Грииб удалялась к себе и предавалась сладким мечтам, в глубине души сознавая, что им не суждено сбыться. Романтические увлечения, которые она придумывала для себя, были еще более замечательными, нежели те, о которых она читала в любовных историях ценой в одно пенни; но, в отличие от печатных сказок, ее роман никогда не оканчивался замужеством. Бедная глупенькая и достойная жалости мисс Грииб — из нее получилась бы хорошая жена и любящая мать, но по прихоти судьбы этому не суждено было сбыться, и комедия ее молодости, посвященная охоте на мужа, постепенно превращалась в трагедию разочарованной старой девы. Она была одной из тех страдалиц, кои остаются неизвестными остальному миру, и ее участь заслуживала скорее слез, нежели смеха.

Наутро после встречи с мистером Бервином молодой адвокат за завтраком благосклонно принимал знаки внимания со стороны влюбленной мисс Грииб. Налив чаю, подав утреннюю газету и убедившись, что завтрак пришелся ему по вкусу, мисс Грииб не спешила уходить в надежде, что Люциан заведет с ней разговор. Надежды ее вполне оправдались, поскольку Дензил желал разузнать подробнее о странном человеке, коему помог минувшим вечером, и при этом точно знал, что никто не предоставит ему таких исчерпывающих сведений, как его шустрая домохозяйка, которой были известны все окрестные сплетни. И первые же его слова заставили мисс Грииб с трепетом устремиться к столу, словно голубку к своему гнездышку.

— Вам случайно ничего не известно о доме номер тринадцать? — спросил Люциан, помешивая чай.

— Известно ли мне что-либо о доме номер тринадцать? — с изумлением повторила мисс Грииб. — Разумеется, мистер Дензил. Нет ничего, чего бы я не знала об этом доме. В нем живут привидения, вампиры и призраки, точно вам говорю.

— Вы называете привидением мистера Бервина?

— Нет, для него это было бы слишком лестно. Он представляется мне загадкой, этот мистер Бервин, и мне нет дела до того, как он отнесется к моим словам.

— И почему же он представляется вам загадкой? — спросил Дензил, решив говорить открыто.

— Ну как же, — сказала мисс Грииб в замешательстве, — ведь о нем никто ничего не знает. Я полагаю, что это дурно с его стороны — вести себя столь скрытно; да, право слово, очень дурно.

— Не вижу причин, почему добропорядочный пожилой джентльмен должен оповещать о своей приватной жизни всю площадь, — сухо заметил Люциан.

— Тем, кому нечего скрывать, не стоит опасаться внимания к себе, — язвительно парировала мисс Грииб. — А образ жизни мистера Бервина наводит на мысль о том, что он фальшивомонетчик, вор или даже убийца, вот что я вам скажу!

— Но что заставляет вас так думать?

Вопрос этот и впрямь озадачил хозяйку, поскольку у нее не было никаких разумных оснований для столь диких предположений. Тем не менее она предприняла решительную попытку подкрепить свои доводы досужими сплетнями.

— Мистер Бервин, — многозначительно изрекла она, — живет в полном одиночестве в доме с привидениями.

— А почему бы ему не жить там? Любой человек имеет право быть мизантропом, если того пожелает.

— Он не имеет никакого права вести себя подобным образом в приличном месте, — отрезала мисс Грииб, качая головой. — В этом большом доме обставлены всего две комнаты, а остальные пустуют. Мистер Бервин не желает нанимать прислугу, которая жила бы с ним под одной крышей, а миссис Кебби, которая убирается у него, полагает, что пьет он просто ужасно. Кушанья ему доставляют из

гостиницы «Нельсон», что за углом, и столуется он в полном одиночестве. Он не получает писем, не читает газет, торчит весь день дома и выходит лишь по вечерам, словно сова. Если он не преступник, мистер Дензил, то почему ведет себя столь неподобающим образом?

— Быть может, он недолюбливает своих собратьев и желает вести уединенный образ жизни.

Мисс Грииб упрямо покачала головой.

— Он, конечно, может недолюбливать своих собратьев, — многозначительно сказала она, — но это не мешает ему видеться с ними.

— И что же в этом плохого? — спросил Люциан, не давая себе труда скрыть презрение к столь нелепым предположениям.

— Быть может, и ничего, мистер Дензил; но откуда берутся те, с кем он видится, спрашиваю я вас?

— Что вы имеете в виду, мисс Грииб?

— А то, что они не приходят через парадную дверь, уж можете мне поверить, — мрачно продолжала женщина. — У этой площади имеется всего один вход, сэр, и там частенько дежурит Блайндерс, полицейский. Два или три раза ночью он встречал мистера Бервина, возвращавшегося домой, и обменивался с ним дружескими приветствиями — тот всегда был один!

— Так-так! И что же это означает, по-вашему? — нетерпеливо спросил Дензил.

— Это означает только то, мистер Дензил, что после встречи с мистером Бервином Блайндерс обошел площадь по кругу и заметил тени — две или даже три — на шторе в окне гостиной. И вот я вас спрашиваю, сэр, — повысила голос мисс Грииб с таким видом, словно приводила решающий аргумент, — если мистер Бервин вошел на площадь в одиночестве, как же к нему попали гости?!

— Быть может, через черный ход, — предположил Люциан.

И вновь мисс Грииб лишь покачала головой.

— Задний двор дома номер тринадцать я знаю как свои пять пальцев, — сообщила она. — Он обнесен забором, но никакого черного хода там нет. Чтобы попасть внутрь, вам нужно войти или через переднюю дверь, или спуститься вниз в подвал; ни то ни другое невозможно, чтобы этого не заметил Блайндерс у входа на площадь,

следовательно, — с торжеством заключила мисс Грииб, — его визитеры никак не могли этого сделать!

— Они могли прийти на площадь днем, когда Блайндерса еще не было на дежурстве.

— Нет, сэ, — ответила мисс Грииб, готовая опровергнуть и это возражение. — Я уже думала об этом и, дабы исполнить свой долг перед местными обитателями, навела справки. Два раза я спрашивала об этом дежурившего днем полицейского, и оба раза он ответил мне, что мимо него никто не проходил.

— В таком случае, — в некотором замешательстве заметил Люциан, — мистер Бервин живет не один.

— Прошу простить меня, — заявила упрямая женщина, — но я уверена, что один. Миссис Кебби обошла весь дом и не нашла ни души. Нет, мистер Дензил, вы, конечно, можете думать как хотите, но с мистером Бервином явно что-то не так — если это, кстати, его настоящее имя, в чем я сильно сомневаюсь.

— Но почему, мисс Грииб?

— Потому, — ответила хозяйка, руководствовавшаяся женской логикой. — Если вы намерены заняться решением этой загадки, мистер Дензил, умоляю вас не делать этого, иначе вы можете столкнуться с чем-либо ужасным, помяните мое слово.

— Например?

— Ну, не знаю, — сказала мисс Грииб, потрянув головой, и направилась к двери. — Не в моих правилах говорить о том, что я думаю. Я последний человек на свете, который станет вмешиваться в то, что его не касается, — такая уж я есть.

Завершив разговор на этой ноте, мисс Грииб исчезла, метнув напоследок на своего постояльца многозначительный взгляд и поджав губы.

На самом деле мисс Грииб не могла выдвинуть никаких обвинений против своего соседа из дома напротив и потому лишь намекнула на его соучастие в различного рода преступлениях, описать которые могла лишь весьма расплывчато.

Люциан, впрочем, отверг все эти предположения о криминальном прошлом постояльца дома напротив, сочтя их порождением весьма живого воображения мисс Грииб; тем не менее, даже вычленив из ее болтовни голые факты, он не мог не признать, что в мистере Бервине и

его образе жизни кроется нечто странное. Этот человек был склонен жалеть себя и одновременно осуждать; намекал на то, что некие люди желают причинить ему вред; а тут еще загадочный эпизод с тенями на окне — все это пробудило в Дензиле любопытство, и он вдруг понял, что не успокоится, пока не найдет какое-либо разумное объяснение столь эксцентричным поступкам мистера Бервина.

Тем не менее он сказал себе, что не имеет никакого права совать нос в дела незнакомого человека, и честно попытался выбросить обитателя дома номер тринадцать из головы. Но это оказалась куда труднее, чем он ожидал.

Всю следующую неделю Люциан старательно гнал от себя любые мысли об этом и даже отказался обсуждать этот вопрос с мисс Грииб. Снедаемая любопытством, она навела все возможные справки в доказательство своих домыслов о поступках мистера Бервина и, за неимением возможности рассказать о них своему постояльцу, принялась судачить с соседями. Следствием этих бесконечных разговоров стало то, что взоры всех обитателей площади отныне обратились к дому номер тринадцать в ожидании некоей катастрофы, хотя никто и предположить не мог, что именно должно произойти.

Это смутное ощущение надвигающейся беды настолько овладело Люцианом и пробудило в нем столь жгучее любопытство, что он, стыдясь в душе собственной слабости, два вечера подряд прогуливался по площади в надежде встретить Бервина. Но оба раза его постигла неудача.

А вот на третью ночь ему повезло: засидевшись допоздна за книгами по юриспруденции, он вышел прогуляться налегке перед сном. Ночь выдалась холодная, сыпал мелкий снежок, поэтому Люциан оделся потеплее, закурил трубку и отправился на улицу подышать свежим воздухом. Над головой его раскинулось ясное морозное небо, в котором поблескивали искорки звезд и мягким светом сияла луна. Тротуар покрыл тонкий слой снега, а на голых ветвях деревьев повисла белая бахрома.

Подойдя к дому Бервина, молодой адвокат увидел, что в гостиной горит свет, а занавески на окне не задернуты, так что окно ярким квадратом выделялось в окружающей темноте. Вдруг на опущенные жалюзи легли две тени — мужчины и женщины. Очевидно, они остановились между окном и лампой, нечаянно обнаружив свое

присутствие постороннему наблюдателю. Желая досмотреть до конца эту любопытную пантомиму, Люциан застыл на месте.

Судя по всему, между мужчиной и женщиной завязался спор: они качали головами и яростно жестикулировали. Вот они вышли из круга света, но потом вновь вернулись в него, размахивая руками. И вдруг мужчина схватил женщину за горло и принялся трясти ее, словно перышко, из стороны в сторону. Сцепившиеся фигуры снова вышли из круга света, и до слуха Люциана донесся приглушенный крик.

Решив, что случилось нечто ужасное, он взбежал по ступенькам и нажал на кнопку звонка. Едва раздался звук, свет в гостиной погас и молодой человек больше ничего не видел. Он звонил снова и снова, но так и не получил ответа. Люциану ничего не оставалось, как отойти от дома и отправиться на поиски Блайндерса, дабы сообщить об увиденном. И вдруг у самого входа на Женева-сквер он столкнулся с человеком, которого узнал в ярком лунном свете.

К его удивлению, перед ним стоял Марк Бервин.

Глава III Неудовлетворительное объяснение

— Мистер Бервин! — вскричал Люциан, узнав своего соседа. — Это вы?

— А кто же еще? — проворчал Бервин и подался вперед, чтобы рассмотреть, с кем он столкнулся нос к носу. — Кто же еще это может быть, мистер Дензил?

— Но я подумал... подумал, — пробормотал адвокат, не в силах скрыть удивление, — в общем, мне показалось, что вы были дома.

— Вы ошиблись и, очевидно, уже поняли это. Я не дома.

— В таком случае кто же сейчас находится в вашем доме?

Бервин равнодушно пожал плечами.

— Никого, насколько мне известно.

— Вы ошибаетесь, сэр. В вашей комнате горел свет, и я видел в окне тени мужчины и женщины, которые боролись друг с другом.

— Люди в моем доме?! — воскликнул Бервин и сжал трясущейся рукой локоть Люциана. — Это невозможно!

— Уверяю вас, это действительно так!

— Что ж, идемте проверим, — дрожащим голосом предложил Бервин.

— Но они уже наверняка ушли!

— Ушли?!

— Да! — быстро заговорил Дензил. — Я позвонил в дверь, поскольку предположил, что внутри разыгралась какая-то роковая ссора. Свет моментально погас, и, поскольку ответа я так и не получил, решил, что мужчина и женщина бежали.

Несколько мгновений Бервин хранил молчание, но потом пальцы его, сжимавшие локоть Люциана, ослабили хватку и он сделал несколько шагов вперед.

— Должно быть, вы ошиблись, мистер Дензил, — проговорил он уже совсем другим тоном, — в моем доме не может быть никого. Перед уходом я запер дверь, да и отсутствовал почти два часа.

— В таком случае я или сошел с ума, или брежу наяву! — с жаром воскликнул Люциан.

— Чтобы понять, что с вами случилось, сэр, идемте со мной и осмотрим дом.

— Прошу прощения, — спохватился Люциан, отступая на шаг. — Это меня решительно не касается. Но хочу предупредить вас, мистер Бервин, что далеко не все так деликатно, как я. Несколько раз присутствие других людей уже было замечено в этом доме во время вашего отсутствия, а ваш образ жизни, уединенный и странный, не вызывает одобрения у ваших соседей. Если вы и далее будете давать пищу для сплетен и пересудов, какой-нибудь доброжелатель запросто может вызвать полицию.

— Полицию! — эхом откликнулся пожилой мужчина, на сей раз явно встревоженный, судя по дрогнувшему голосу. — Нет-нет! Это никуда не годится! Мой дом — моя крепость! Полиция не посмеет вломиться в него! Я мирный и крайне несчастный человек, который желает лишь одного — спокойной жизни. И все эти разговоры о посторонних в моем доме — полная ерунда!

— Тем не менее вы испугались, когда я рассказал вам о тенях, — многозначительно заметил Люциан.

— Испугался? Мне нечего бояться!

— Даже тех, кто охотится на вас? — прозрачно намекнул Люциан, припомнив их прошлый разговор.

Бервин испустил короткий приглушенный возглас и отступил на шаг, словно для того, чтобы перейти к обороне.

— Что... что вы знаете... об этом? — задыхаясь, прошептал он.

— Только то, на что вы сами намекали, когда мы в последний раз виделись с вами.

— Да-да! В ту ночь я был не в себе. Во мне говорило вино, мозг затуманился.

— Как и сейчас, по-видимому, — сухо заметил Люциан, — судя по тому, насколько вы взволнованы.

— Я несчастный человек, — дрожащим голосом сказал Бервин.

— Надеюсь, вы извините меня, сэр, если я оставлю вас, — церемонно произнес Люциан. — Похоже, мне самой судьбой уготовано вести с вами полуночные беседы на холоде, но, полагаю, эту лучше прекратить.

— Одну минуту! — воскликнул мистер Бервин. — Вы были достаточно добры, чтобы предупредить меня о тех пересудах, кои порождает мой скромный образ жизни. Не будете ли вы столь любезны, чтобы пройти со мной в дом и осмотреть его от чердака до подвала. Тогда вы собственными глазами убедитесь, что причин для скандала нет и что силуэты, которые вы якобы видели в окне, не были тенями живых людей.

— Во всяком случае, тенями призраков они не могут быть наверняка, — парировал Люциан, — поскольку мне еще не доводилось слышать, чтобы призраки отбрасывали тень.

— Прошу вас, идемте со мной, и тогда вы сами убедитесь, что в доме никого нет.

Несмотря на то что приглашение казалось искренним, Люциана одолевали сомнения относительно того, стоит ли его принимать. Осматривать практически пустой дом в компании незнакомца, имеющего дурную репутацию, в полуночный час — не самая лучшая идея для любого мужчины, каким бы храбрецом он ни был. К слову сказать, Люциан вовсе не был трусом, да и любопытство вновь проснулось в нем, разжигая тягу к приключениям, к коим так склонна молодость. Кроме того, ему не терпелось разобраться с тенями в окне, а заодно узнать, почему Бервин решил поселиться в столь убогом и таинственном доме. Если добавить к этому огромный интерес,

который сулила встреча с неизведанным, легко понять, почему Дензил принял странное приглашение Бервина.

Итак, Люциан мужественно отправился навстречу опасности, зорко поглядывая по сторонам, чтобы разгадать, если ему представится такая возможность, тайну, которой были покрыты все эти обстоятельства.

Как и в прошлый раз, Бервин привел его в гостиную, где, как и ранее, был накрыт стол. Хозяин зажег настольную лампу и широким жестом обвел роскошно обставленную комнату, подчеркнув при этом пространство между столом и окном.

— Люди, тени которых вы видели, — сказал он, — должны были бороться именно в этом месте, то есть между лампой и жалюзи, чтобы вы могли их видеть. Но прошу вас, мистер Дензил, обратить внимание на то, что мебель нисколько не пострадала и даже не сдвинута с места, поэтому нельзя допустить, будто описанная вами борьба происходила в действительности; кроме того, вы сами видите, что окно задернуто шторами, так что на жалюзи просто не мог упасть свет.

— Вне всякого сомнения, занавески задернули уже после того, как я позвонил в дверь, — возразил Люциан, окидывая взглядом тяжелые складки темно-красного бархата, закрывавшего окно.

— Эти занавески, — парировал Бервин, снимая пальто, — задернул перед уходом я сам.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

2

Один из самых дорогих районов в центре Лондона.

[<< back](#)

3

У. Шекспир, «Отелло», акт II, сцена 3. Пер. М. Л. Лозинского.
(Примеч. пер.)

[<< back](#)

Шотл.: «старая сплетница». (*Примеч. пер.*)

(<< back)

5

У. Шекспир, «Макбет», Акт V, сцена III (пер. М. Л. Лозинского).
(Примеч. пер.)

(<< back)

6

Известный английский писатель, интересовавшийся оккультизмом, что отразилось на его творчестве.

(<< back)

7

Британская единица измерения массы, равная 14 фунтам или 6,35 кг, используется как единица массы тела человека.

(<< back)

8

Билл (*англ.*: bill) — счет, вексель.

(<< back)

9

Квотердей (*англ.*: quarterday) — день квартальных платежей.

(<< back)

10

Напиток из красного вина с сахаром.

(<< back)

FB2 document info

Document creation date: 11 November 2017

Created using: indd2fb2 software

Document authors :

- Андрей Веревкин

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ